
Госпожа Бовари.
Версия Дарьи
Финал, который не написал Флобер
Вера Вонг
БУКВАРЬ
А

Вера Вонг

Госпожа Бовари. Версия Дарьи

https://litres.ru/74799442
SelfPub; 2026

Аннотация

«Госпожа Бовари. Версия Дарьи» — литературный эксперимент, где современная читательница Дарья попадает в мир романа Флобера и, оказавшись в теле Эммы Бовари, переписывает историю посвоему. Вместо роковых страстей она выбирает созидание: открывает читальный зал для женщин, учит детей грамоте, помогает близким поверить в себя и меняет жизнь провинциального Ионвиля. Дарья не отрицает сложностей, но противопоставляет им не разрушение, а маленькие, но важные перемены — умение считать, читать, говорить «нет» и беречь близких. В её версии никто не гибнет от отчаяния: герои обретают опору и своё призвание. Это тёплый, ироничный диалог с классикой — история о тихой революции, которая начинается с одной буквы «А», и о силе повседневной заботы и терпения.

Содержание

ГЛ А В А 1 5
ГЛ А В А 2 17
ГЛ А В А 3 27
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Вера Вонг
Госпожа Бовари. Версия Дарьи

ГЛАВА 1

Холодный сквозняк пробрался под тяжелое ватное одеяло, царапнул обнаженную щиколотку и окончательно вырвал Дарью Сидорову из сна. Она дернулась, ожидая привычно задеть локтем облупленную спинку кровати в общежитии педвуза, но пальцы уперлись в тугую шелковую стежку и массивную резьбу красного дерева. В углу полотна белели вышитые гладью переплетенные буквы: «Э» и «Б».

Дарья села, моргая и пытаясь сфокусировать взгляд. Комната была чужой, стылой и до неприличия буржуазной. С высоких окон сбегали тяжелые бордовые портьеры, за мутными стеклами моросил мелкий, унылый октябрьский дождь, а воздух пах сырой известкой, мылом и угасшим камином. Никакого гула трамваев за окном. Никакого будильника на смартфоне, напоминающего о первой паре по возрастной психологии.

Она спустила ноги на ледяной паркет, пошатываясь от внезапного головокружения, и подошла к овальному трюмо в тусклой бронзовой раме.

Из глубины мутного стекла на нее смотрела незнакомка с фарфоровой кожей, темными густыми волосами, растрепавшимися по плечам, и огромными, почти черными глазами, в которых читалось классическое меланхолическое томление. Изящный точеный профиль, длинная лебединая шея, при-

пухшие губы — эталонная героиня французского романа середины девятнадцатого века.

Дарья медленно подняла руки, ощупала собственные скулы, провела ладонями по ключицам и вдруг резко, судорожно схватилась за горло. Пальцы сжали тонкую кожу, проверяя, нет ли на ней синюшных пятен, не сводит ли судорогой гортань, не жжет ли изнутри сладковатый привкус белой смерти.

— Спокойно, — прошептала она, прислушиваясь к собственному пульсу. — Дышим глубже, работаем по плану. Никакой рвоты, зрачки в норме, тремора нет. Значит, до аптеки господина Омэ эта дурочка еще не добежала.

Взгляд упал на ночной столик. Там, рядом с оплывшим огарком стеариновой свечи, лежал раскрытый томик в сафьяновом переплете. Между пожелтевшими страницами застыла засушенная, раскрошившаяся роза. Дарья нагнулась, пробежала глазами строку о том, как «пылкое сердце изнывает в оковах пошлой действительности», и брезгливо поморщилась.

Одним резким движением она смахнула книгу со столика. Томик глухо шлепнулся на ковер, подняв облачко пыли.

— Вот же зараза, — выдохнула Дарья, упирая руки в бока. — До чего доводит бесконтрольное потребление токсичной литературы! Никакой гигиены мышления, сплошная романтизация деструктивного поведения.

Она попыталась сделать глубокий вдох, чтобы успокоить

колотящееся сердце, но грудную клетку словно сжали железным обручем. Только теперь Дарья осознала, что на ней надета тонкая батистовая сорочка, а поверх нее — тугой шелковый корсет на китовом усе, затянутый так безжалостно, что нижние ребра буквально впивались в легкие.

— Да чтоб вас всех разорвало с вашей эстетикой! — рявкнула она на чистом русском, дергая за концы длинных шнурков на спине.

Пальцы с непривычки путались в узлах. Корсет скрипел, упирался и никак не желал поддаваться. Дарья крутилась перед зеркалом, шипя от злости и поминания всех портных Второй империи и Июльской монархии в самых неакадемических выражениях, пока наконец узел не ослаб. Шнуровка с треском разошлась, и в легкие хлынул живительный, пусть и сырой, нормандский воздух.

Откинув корсет на кресло, она подошла к высокому комоду. На полированной крышке лежала стопка распечатанных конвертов с сургучными печатями. Дарья взяла верхний лист, развернула плотную бумагу и впилась взглядом в витиеватый почерк.

«Милостивая государыня, сим имею честь уведомить Вас, что заказанные Вами ленты и перчатки из Руана будут доставлены в Тост к пятнадцатому октября тысяча восемьсот сорок третьего года…»

Тысяча восемьсот сорок

Тост. Еще до переезда в Ионвиль, еще до бала в Вобьес-

саре, задолго до Родольфа, Леона и проклятого ростовщика Лёрё с его бесконечными векселями.

Дарья выдохнула и оперлась ладонями о край комода. Паника, еще минуту назад грозившая перерасти в истерику, отступила, уступив место холодной, злой собранности студентки-отличницы перед заваленной сессией. Ей досталось тело избалованной провинциалки с нулевой финансовой грамотностью, мужа-тюфяка и готовый билет на кладбище в финале.

— Ну уж дудки, господин Флобер, — твердо сказала она в пустую комнату, подбирая с пола тяжелое темно-синее шерстяное платье с высоким белым воротничком. — Сюжет отменяется. Начинаем антикризисное управление.

* * *

Лестница на первый этаж скрипела под практичными кожаными полусапожками, которые Дарья нашла в самом дальнем углу гардероба, безжалостно задвинув вглубь шелковые туфельки на тонкой подошве. Внизу царил полумрак и пахло старой бумагой, уксусом и влажной штукатуркой.

Врачебный кабинет занимал узкую комнату с окном, выходящим на мокрый двор. Дарья остановилась на пороге, прищурившись, словно проверяющий из санэпидемстанции. Картина открывалась удручающая: заваленный бумагами дубовый стол, колченогий стул, кушетка с протертой клеенкой и высокий застекленный шкаф, в котором теснились склянки, банки и коробки с непонятными этикетками на латыни.

— Так, фиксируем проблему, — пробормотала Дарья, закатывая узкие рукава шерстяного платья. — Полная антисанитария и отсутствие инвентаризации.

Она распахнула дверцы шкафа. На средней полке, за банками с сушеной пижмой, прогорклым свиным салом и мутными настойками, притаился небольшой пузатый флакон из темного синего стекла. Бумажная наклейка покоробилась от сырости, но черные печатные буквы читались отчетливо: *Arsenicum album*. Белый мышьяк.

Дарья не вздрогнула. Она взяла флакон двумя пальцами за горлышко, перенесла его на самую верхнюю полку, задвинула за толстые фолианты фармакопеи и с сухим щелчком повернула ключ в замке шкафа. Вынув медный ключик из скважины, она без колебаний спустила его за резинку плотного шерстяного чулка.

— Вопрос с суицидальным исходом закрыт, — констатировала она, отряхивая ладони. — Теперь перейдем к кредиторской задолженности.

Она перешла к письменному столу и принялась методично разгребать завалы. Среди рецептурных бланков, пятен от чернил и засохших корочек хлеба лежал тяжелый кожаный том — анатомический атлас с гравюрами мышц и сухожилий. Дарья приподняла его, чтобы смахнуть пыль, и из-под переплета выскользнул сложенный вчетверо лист гербовой бумаги.

Развернув его, она почувствовала, как к горлу подступает

знакомый ледяной спазм, точь-в-точь как в тот день, когда в деканате ей объявили об отмене повышенной стипендии. Это была долговая расписка, подписанная размашистым, но неуверенным почерком Шарля Бовари. Сумма займа составляла тысячу двести франков — деньги, взятые у руанского поверенного еще при первой жене и перекочевавшие в новое хозяйство вместе с драконовскими процентами и штрафными пенями за просрочку. Срок погашения истекал через четыре месяца.

— Тысяча двести франков, — тихо повторила Дарья, глядя на чернильные завитушки. — Да за эти деньги в Нормандии можно купить полдеревни вместе с коровами и кюре в придачу.

Она метнулась к каминной полке, где, как подсказывала смутная память прежней хозяйки тела, хранились наличные сбережения семьи. Жестяная коробка из-под леденцов оказалась неприлично легкой. Дарья сорвала крышку. На дне, среди пуговиц и обрывка суровой нитки, тускло поблескивали три серебряных франка и горстка мелких медных су-пеков.

Ни золотых луидоров, ни банковских билетов. Голый кассовый разрыв.

Дарья медленно опустилась на стул. На секунду ей захотелось положить голову на стол и завыть — от абсурдности происходящего, от этой чужой нищеты, от проклятого дождя за окном. Но тут же перед глазами всплыло лицо декана пе-

дагогического факультета и его любимая присказка: «Сидорова, слезы в отчетность не подошьешь».

Она выдвинула ящик стола. В самом низу, под кипой старых газет, обнаружилась толстая конторская тетрадь в твердом переплете из синего коленкора. Ни одной исписанной страницы — девственно чистая бумага в аккуратную линейку. Рядом валялся обрывок записки с каллиграфическим почерком прежней Эммы: перечень желаний, среди которых значились «шелковый капор с перьями марабу» и «флакон парижских духов».

Дарья фыркнула, взяла со стола гусиное перо, обмакнула его в чернильницу и решительным, жирным росчерком перечеркнула шелковый капор. Ниже, прямо поверх каллиграфических завитков, она крупно приписала: *«Дезинфекция кухни. Щелок. Ревизия дебиторки»*.

Затем она раскрыла синюю тетрадь на первой странице и твердым, четким почерком вывела заголовок: «Баланс активов и пассивов хозяйства Бовари».

* * *

Входная дверь распахнулась с таким грохотом, словно в дом ворвался сам ураган. По половицам прихожей тяжело застучали подкованные сапоги, раздалось сдавленное чертыхание и звон упавшей трости.

Дарья оторвалась от расчетов, захлопнула синюю тетрадь и вышла в коридор.

На пороге стоял Шарль. Он был высок, широк в плечах и до смешного нелеп в своем добротном, но безнадежно старомодном коричневом сюртуке, подол которого был щедро забрызган рыжей дорожной грязью. Из-под сбившегося набок белого галстука выглядывала покрасневшая от ветра шея, а в правой руке, отведенной далеко в сторону, словно ядовитая змея, он держал кривой хирургический ланцет с бурыми, еще не подсохшими каплями крови.

Увидев жену, Шарль замер. Его круглое добродушное лицо вытянулось, карие глаза испуганно округлились, а кожаный саквояж со стуком выскользнул из левой руки и рухнул на пол.

— Эмма, душенька… — пролепетал он, неловко пряча окровавленный инструмент за спину. — Я… право слово, не думал, что ты уже спустилась. У мельника в Берто у свинопаса случился прескверный нарыв, пришлось вскрывать на месте, я сейчас же…

Он втянул голову в плечи, точно огромный виноватый сенбернар, ожидающий привычного потока упреков, брезгливого вздоха или ледяного молчания, от которого по вечерам в доме становилось холоднее, чем на улице. Запах дешевой карболки, мокрой овчины и конского пота мгновенно заполнил тесную прихожую.

Дарья смерила супруга оценивающим взглядом, как староста группы — опоздавшего на практику первокурсника. Ни обморока, ни трагического заламывания рук.

— Так, стоп, ни шагу дальше на ковер, — произнесла она ровным, командным голосом, не терпящим возражений. — Инструмент в лоток, сапоги снять у порога, руки — на кухню, мыть с щелоком и горячей водой. И спину выпрями, Шарль, ты врач, а не провинившийся школяр.

Шарль моргнул. Он открыл рот, закрыл его, снова посмотрел на жену — на ее строгое темно-синее платье, гладко зачесанные волосы и абсолютно спокойное, деловое лицо — и вдруг послушно, почти с облегчением выдохнул.

— Если ты полагаешь это верным, Эмма… Я сию минуту.

Через пять минут они сидели на просторной, но запущенной кухне. Шарль, без сюртука, в одной белой рубашке с закатанными до локтей рукавами, с какой-то детской признательностью грел широкие, натруженные ладони о глиняную кружку с горячим липовым отваром, который Дарья заварила на скорую руку. Он все еще поглядывал на нее с робким изумлением, словно пытаясь понять, куда делась его капризная, вечно томная супруга и кто эта собранная женщина с живым, цепким взглядом.

Дарья не дала ему времени на раздумья. Она пододвинула через стол раскрытую синюю тетрадь и положила рядом тонкую стопку замусоленных бумаг, изъятых из кабинетного ящика.

— Пей, пока не остыло, и объясняй мне систему учета, — сказала она, постучав костяшками пальцев по столу. — Где журнал учета пациентов за последний квартал?

Шарль поперхнулся отваром, поспешно вытер губы тыльной стороной ладони и растерянно развел руками.

— Журнал? Но, Эмма, зачем же в наших краях журнал? Я всех помню наперечет. Вот старуха Лефрансуа с подагрой, кузнец с вывихом плеча, батраки с фермы…

— Отлично, — перебила Дарья, обмакивая перо в чернильницу. — Значит, память у тебя хорошая. А теперь скажи мне, сколько из этих уважаемых людей расплатились с тобой звонкой монетой за прошлый месяц?

Шарль виновато потупился, разглядывая сучок на столешнице.

— Видишь ли, год выдался дождливый, урожай неважный… Мельник обещал прислать два мешка муки к Рождеству, фермер Дюбуа отдал на прошлой неделе корзину яиц и гуся, правда, гусь оказался жестковат… А остальные просили подождать до ярмарки. Не могу же я требовать серебро с бедняков, когда у них дети хворают!

Дарья закрыла глаза на три секунды. Внутри нее закипало праведное возмущение человека, который два года подрабатывал репетитором и знал цену каждому рублю и каждому франку. Бессребреник. Благородный альтруист с дырой в кармане и просроченным векселем на шее.

— Послушай меня внимательно, Шарль, — произнесла она тихо, но так веско, что доктор невольно подтянулся на табурете. — Твое милосердие — вещь прекрасная. Но через четыре месяца истекает срок руанского займа на тысячу две-

сти франков. Если мы не закроем долг и проценты, судебные приставы опишут и твой ланцет, и этот стол, и гуся, которого ты еще не съел. С понедельника мы вводим четкий прейскурант и ведем книгу прихода.

Шарль смотрел на нее во все глаза. В его взгляде сквозь привычную растерянность вдруг промелькнуло искреннее, горячее восхищение, от которого у Дарьи на секунду потеплело в груди.

— Право слово, Эмма… Ты рассуждаешь точь-в-точь как нотариус из Руана, — пробормотал он, и в голосе его впервые зазвучала робкая гордость. — Я и сам тяготился этими долгами, но не знал, с какого края подступиться.

Он не успел договорить. С улицы, со стороны мокрого гравия подъездной дорожки, донесся резкий перестук деревянных башмаков и пронзительный звон колокольчика у парадной двери. Половицы в коридоре заскрипели, дверь кухни с треском распахнулась, и на пороге появился Шарль — нет, в дверях возник перепуганный мальчишкапосыльный, а следом за ним, тяжело дыша, ввалился сам доктор Бовари? Нет, Шарль сидел перед ней, а дверь распахнулась от сильного порыва ветра, впустившего в кухню кухарку Настасью с перекошенным от ужаса лицом — и тут же, оттолкнув ее, на пороге возник запыхавшийся кучер из соседнего поместья, сжимая в окровавленных руках охотничий нож.

— Доктор! Скорее, доктор! Господин маркиз на охоте распорол себе бедро!

ГЛАВА 2

Утро в Тосте началось с того самого вязкого нормандского дождя, который, казалось, не падал с неба, а просто висел в воздухе, пропитывая сыростью и булыжник двора, и старую обивку кресел, и даже страницы утренней газеты. В гостиной пахло мокрой шерстью, угасающим торфом и свежей золой.

Дарья стояла у окна в своем темно-синем шерстяном платье с высоким белым воротничком — единственном наряде, который не стеснял движений и не волочился по пыли, словно подол занавеса в провинциальном театре. За плечами осталась бессонная ночь: Шарль вернулся из поместья только на рассвете, пропахший лошадьми, бренди и йодоформом, с бледным от усталости лицом, но с таким сиянием в глазах, будто он только что выиграл битву при Аустерлице. Рану маркизу он ушил чисто, артерию перевязал без единого лишнего движения, а управляющий сунул в карман его сюртука пять золотых наполеондоров — сумму, от которой в их доме впервые за полгода зазвенело настоящее серебро и золото.

Именно на этот звон, словно ворона на блестящую пуговицу, ровно в девять утра явился господин Лёрё.

Он вошел в гостиную не как торговец, а как жрец тайного культа красоты. Тяжелый сливовый сюртук с бархатными отворотами сидел на его коренастой фигуре безупречно, на

шелковом жилете покачивалась массивная золотая цепочка от часов, а гладкие, холеные пальцы с тяжелым серебряным перстнем уже развязывали тесемки огромного сафьянового баула.

— Сударыня, сущие пустяки, проезжал мимо и не мог не заглянуть! — запел он елейным, обволакивающим тенором, раскладывая на полированном столе каскад переливающихся тканей. — Из самого Лиона. Взгляните на эту тафту цвета утренней зари. А эта фланель! Мягче пуха гагары. Для благородного вкуса нет цены, мадам Бовари, а в нашей глуши так редко встретишь даму, способную отличить парижский шик от руанской подделки.

Дарья не спеша подошла к столу. В ее темных глазах не отразилось ни единого блика восхищения — только холодный, прищуренный интерес товароведа на приемке бракованной партии.

— Лионский шелк, говорите? — спокойно уточнила она, присаживаясь на край стула. — Позвольте взглянуть поближе.

Не дожидаясь разрешения, она потянулась к шкатулке на бюро, достала оттуда тяжелую латунную линейку Шарля и его круглую медицинскую лупу в роговой оправе. Лёрё чуть приподнял брови, но улыбки не снял — решил, что барыня забавляется.

Дарья приложила линейку к кромке тафты цвета утренней зари, навела лупу и принялась методично, вслух, отсчи-

тывать нити на квадратный сантиметр.

— Раз, два, три… двенадцать… двадцать восемь. Понятно. — Она отложила лупу, взяла край отреза двумя пальцами и слегка потянула по утку. Ткань издала сухой, предательский хруст. — Господин Лёрё, это не лионский шелк. Это полушелковая саржа с добавлением крученого хлопка, выработанная, скорее всего, на мануфактурах под Руаном. Плотность плетения ниже стандарта на треть, а краситель — дешевый анилиновый суррогат, который выгорит на солнце через две недели. За такое выдавать цену первого сорта — это уже не коммерция, а прямой обман потребителя.

Улыбка сползла с лица торговца, словно масло с горячей сковороды. Его хорьковые серые глаза сузились, длинный ястребиный нос хищно дернулся.

— Мадам шутит, — произнес он уже без прежнего елея, хотя голос по-прежнему стелился мягко, как кошачья лапа с выпущенными когтями. — Впрочем, я понимаю: доходы скромного лекаря в Тосте не всегда позволяют платить наличными. Но зачем же отказывать себе в радостях? Запишем на счет. Я человек добрый, могу и с векселем вашего супруга подсобить — перекупить у руанского поверенного, дать отсрочку на полгода… Всего-то и нужно, что ваша маленькая подпись вот здесь, внизу.

Дарья откинулась на спинку стула и посмотрела на него с искренним, почти академическим любопытством. Вот она, классика жанра: кредитная игла, замаскированная под забо-

ту о женском гардеробе.

— Так, фиксируем проблему, — проговорила она ровным, лекторским тоном. — Вы предлагаете мне принять на себя поручительство по чужому долгосрочному обязательству в обмен на товар ненадлежащего качества. Напомню вам, любезный, статью двести семнадцатую Гражданского кодекса: замужняя женщина без письменного согласия супруга не вправе обременять имущество новыми закладными. А согласно базовой логике и уставу торговой гильдии Руана, завышение цены более чем на пятьдесят процентов при рассрочке влечет аннулирование сделки и штраф в пользу казны. Мне позвать клерка из мэрии, чтобы мы вместе перемерили ваши отрезы, или вы сами свернете лавочку?

Лёрё замер. На его гладком лбу выступила испарина. Он явно не ожидал услышать из уст молодой провинциалки ни статей кодекса, ни калькуляции торговой наценки. — Мадам… весьма осведомлена в юриспруденции, — процедил он сквозь зубы, поспешно сгребая со стола тафту и фланель в свой сафьяновый баул. — Прошу простить за беспокойство. Желаю вам… здравия.

Он отвесил короткий, деревянный поклон и направился к выходу. Но уже в прихожей, натягивая шляпу, вдруг остановился и прищурился на стену у зеркала, где на булавке все еще висел старый, выцветший эскиз бального платья, нарисованный прежней Эммой. На секунду в его глазах мелькнул острый, цепкий расчет, после чего входная дверь глухо

захлопнулась.

Дарья выдохнула, подошла к окну и прислонилась лбом к прохладному стеклу. Первый раунд остался за ней. Но она прекрасно понимала: этот человек не отступит. И чтобы победить его окончательно, нужно не просто обороняться в глухом Тосте — нужно самой выйти на рынок.

* * *

Вечером в столовой было непривычно тихо и тепло. В очаге весело потрескивали березовые поленья, на столе дымился густой луковый суп с гренками, а рядом с тарелкой Шарля лежала аккуратная стопка золотых монет — гонорар из поместья маркиза, пересчитанный и разложенный Дарьей по номиналу.

Шарль сидел за столом в расстегнутом коричневом сюртуке, с блаженной, слегка растерянной улыбкой на круглом лице. После удачной операции у маркиза он словно вырос на пару дюймов, но стоило Дарье положить перед ним раскрытую синюю конторскую тетрадь, как его широкие плечи тут же по привычке опустились.

— Взгляни сюда, Шарль, — сказала Дарья, пододвигая свечу ближе к страницам, разлинованным четкими столбцами и кривыми линиями. — Я свела твою практику в Тосте за последние два года. Видишь эту линию? Она ползет вниз, как температура в ноябре. В округе триста дворов, половина — бедняки, которые платят раз в год яблоками, а вторая половина при малейшей колике вызывает доктора из Руана,

потому что у тебя нет ни аптеки под боком, ни нормальной дороги.

Шарль нервно потер переносицу, глядя на чернильные графики так, словно перед ним лежала схема устройства парового котла.

— Право слово, Эмма… Ну куда же нам ехать? — пробормотал он, вжимая голову в плечи. — Матушка на прошлой неделе писала: «Сиди в Тосте, Шарль, не дергайся, здесь хоть крыша над головой да мэр тебя знает». А на новом месте кто я? Чужак. Там меня, пожалуй, и на порог не пустят…

Дарья внимательно посмотрела на мужа. В его голосе звучала не лень, а застарелая, въевшаяся в кости неуверенность человека, которому с детства твердили, что его потолок — это вскрывать нарывы свинопасам. Включать сейчас командирский тон было бесполезно — он просто закроется в раковину. Нужна педагогика. Классическое позитивное подкрепление.

— Шарль, посмотри на меня, — мягко произнесла она, накрыв его широкую, пахнущую травяным мылом ладонь своей рукой. — Вспомни сегодняшнюю ночь. Когда маркиз истекал кровью, а его домашний лекарь бегал по комнате и заламывал руки — кто остановил кровотечение? Кто наложил такой ровный узловой шов, что даже руанский консультант утром прислал записку с похвалой?

Шарль моргнул. На его щеках проступил густой, почти юношеский румянец.

— Ну… я просто вспомнил лекции профессора Дюпюитрена, — тихо ответил он, но спина его незаметно выпрямилась. — Там главное было не задеть бедренную ветвь…

— Именно. Ты первоклассный практик, Шарль. И зарывать такой талант в грязи Тоста — экономическое преступление. — Дарья перевернула страницу тетради. — Я наводила справки у кучера из поместья. В двадцати милях отсюда лежит Ионвиль-л'Аббеи. Крупное торговое местечко, ярмарки каждую неделю, тракт на Руан, богатые фермеры. Там есть аптекарь по фамилии Оме — болтун и химик-самоучка, но ни одного дипломированного врача с лицензией. Люди вынуждены ездить за рецептами за три лье!

Шарль задумался. Он перевел взгляд с синей тетради на золотые монеты, затем на спокойное, уверенное лицо жены. В его карих глазах впервые за весь вечер зажегся тихий, упрямый огонек.

— А ведь правда… — медленно проговорил он. — Аптека под рукой — это великое дело. Не нужно самому толочь порошки по ночам… Но ведь переезд стоит денег, Эмма.

— У нас есть пять наполеондоров маркиза. Этого хватит на первый взнос за дом и перевозку вещей, — твердо сказала Дарья, протягивая ему гусиное перо и чистый лист гербовой бумаги. — Дышим глубже, работаем по плану. Подписывай прошение в префектуру о переводе медицинской практики.

Шарль взял перо. Пальцы его чуть дрогнули, но через секунду он решительно обмакнул кончик в чернильницу и

крупно, без единой кляксы, вывел свою фамилию.

* * *

Ровно через неделю, на сером предрассветном дворе в Тосте, пахло мокрым сеном, конским навозом и свежей побелкой. Старый скрипучий дилижанс, нанятый за три серебряных франка, стоял у крыльца, а рядом возвышалась внушительная баррикада из сундуков, узлов и тяжелых дубовых ящиков с медицинскими склянками и книгами.

Возница — коренастый нормандский детина с багровым носом и перекошенным набок левым плечом — обошел ящики вокруг, смачно сплюнул на гравий и упер здоровую руку в бок.

— Нет, господин доктор, так не пойдет, — хрипло заявил он, дернув подбородком. — Рессоры сядут на первой же колдобине. За такой перевес накидывайте еще десять франков, иначе я даже вожжи в руки не возьму.

Шарль, державший в руках саквояж и горшок с геранью, растерянно открыл рот, готовый по привычке полезть в карман. Но Дарья сделала шаг вперед, легко отодвинув мужа плечом.

— Десяти франков у нас нет, любезный, зато есть физика за седьмой класс и бесплатная медицинская помощь, — бойко ответила она, окинув взглядом повозку. — Во-первых, вы грузите тяжелые сундуки на заднюю ось, отчего рессоры и проседают. Если перенести ящики с книгами вперед, под

козлы, а легкие узлы с одеждой уложить назад, центр тяжести сместится, и лошадям станет вдвое легче. А во-вторых… — она прищурилась на его перекошенный кафтан. — Вы ведь левую руку выше пояса поднять не можете? Привычный вывих плечевого сустава, верно?

Возница опешил, невольно потянув здоровую руку к больному плечу.

— Ну… лошадь в прошлом месяце дернула, мадам.

Ноет, проклятая, спасу нет.

— Доктор Бовари вправит вам сустав за две минуты. Прямо здесь. Без единого су платы. Шарль, будь добр, покажи мастер-класс.

Шарль поставил герань на ступеньку крыльца, снял свой коричневый сюртук и шагнул к вознице. В этот миг в нем не осталось ни капли вчерашней робости. Под четким, спокойным взглядом жены его движения стали точными, выверенными и властными.

— Сядьте на тумбу, приятель, и расслабьте руку, — негромко распорядился доктор. — Вот так. Не напрягайте мышцу…

Одно плавное отведение локтя, короткий, мягкий рывок вверх и внутрь — раздался глухой, сухой щелчок. Возница охнул, зажмурился, а через секунду осторожно пошевелил пальцами и с изумлением поднял левую руку высоко над головой.

— Святая дева! — выдохнул он, вращая плечом. — Да

она как новенькая! Ни боли, ни хруста! Ну, господин доктор, ну, золотые руки!

Через четверть часа, когда рассвет окрасил мокрые крыши Тоста в бледно-розовый цвет, весь скарб был уложен по законам механики с такой бережностью, словно в ящиках везли хрустальные люстры для королевского дворца. Возница лично устроил медицинский саквояж и коробку с сухими соломенными лентами на мягком сиденье рядом с собой, щелкнул бичом, и дилижанс тронулся в путь, оставляя за спиной унылую грязь прошлого.

Дарья сидела у окна повозки, глядя на убегающую назад дорогу, а Шарль рядом бережно придерживал ее руку, словно боялся, что это удивительное утро окажется сном.

Они еще не знали, что за полчаса до их отъезда в старый почтовый ящик у ворот дома в Тосте опустился казенный конверт с сургучной печатью — официальное извещение префектуры о том, что врачебная практика в Ионвиле-л'Аббеи выставлена на открытые торги с начальной ценой в восемьсот франков.

ГЛАВА 3

Ионвиль-л’Аббеи встретил новых жильцов густым запахом жареных каштанов, мокрой булыжной мостовой и крикливой суетой базарного дня. Над рыночной площадью, прямо напротив каменных рядов с сидром и нормандскими сырами, возвышался дом, который за версту можно было узнать по золоченым буквам на фасаде: «ОМЕ, АПТЕКАРЬ». Витрину украшали пузатые стеклянные шары с разноцветной водой, сушеные ящерицы в банках и бюст Гиппократа в зеленой шерстяной ермолке.

Едва чета Бовари успела отряхнуть дорожную пыль с плащей и перенести сундуки в снятый неподалеку пустоватый дом с окнами в сад, как стеклянная дверь аптеки с резким звоном распахнулась. На порог выкатился круглолицый человечек в табачном фраке, припорошенном серным цветом, и ярко-клетчатом жилете. Пышные бакенбарды обрамляли его лысую макушку, а на широком носу поблескивали круглые очки.

— Сударь мой! Доктор Бовари! Наконец-то светоч медицины озарил нашу скромную юдоль! — прогремел господин Оме, раскидывая руки так широко, словно собирался обнять весь кантон вместе с церковной колокольней. — Пожалуйте, пожалуйте в мою скромную лабораторию! Я только что закончил перегонку экстракта белладонны. Наука неумолима!

Как говорил бессмертный Вольтер, просвещение есть единственный факел во мраке предрассудков.

Шарль растерянно моргнул, снял шляпу и неуклюже поклонился, прижимая ее к груди.

— Благодарю вас, господин Оме… Право слово, мы еще даже не успели распаковать саквояжи…

— Пустяки, дорогой коллега! — Оме уже подталкивал их внутрь, где пахло камфорой, лакрицей и жженым сахаром. За прилавком высились ряды фаянсовых банок с латинскими надписями. — С точки зрения прогресса, врач и фармацевт суть два крыла одного пегаса! Хотя, признаюсь вам побратски, здешний люд дик и невежествен. Вся провинциальная медицина до сего дня держалась исключительно на моих авторских эликсирах и микстурах. И не вздумайте, ради бога, увлекаться этими варварскими кровопусканиями — ланцет нынче в немилости у передовых умов Парижа! Я уж сам буду назначать больным слабительные и потогонные сборы, а вам оставлю, так сказать, хирургическую рутину и визиты по дальним фермам.

Шарль покорно кивнул, уже готовый уступить первенство этому громогласному оратору. Дарья же, стоявшая на шаг позади в своем темно-сапфировом шерстяном платье, внимательно разглядывала склянки на верхней полке. Ее взгляд зацепился за криво наклеенную этикетку с формулой, выведенной размашистым почерком аптекаря.

— Прошу прощения, любезный господин Оме, — произ-

несла она ровным, мелодичным голосом, в котором сквозила легкая светская учтивость, — но у вас на третьей полке слева, кажется, описка. Хлористый калий обозначается как KCl, а вовсе не $KClO_3$. Если отпустить пациенту бертолетову соль вместо обычного калиевого препарата для полоскания горла, мы получим не прогресс, а химический ожог слизистой. А при нагревании с органикой и вовсе взрыв.

В аптеке стало слышно, как за окном фыркает запряженная в телегу лошадь. Оме замер с поднятым указательным пальцем. Его румяные щеки медленно приобрели оттенок незрелого крыжовника.

— Мадам… весьма любезна… но в современной номенклатуре… — пробормотал он, поправляя очки дрожащими пальцами.

— Современная номенклатура, сударь, строго регламентирована последним парижским циркуляром Королевской медицинской академии от мая сего года, — спокойно продолжила Дарья, слегка наклонив голову. — Там же, в параграфе четвертом, черным по белому сказано: назначение сильнодействующих составов и постановка диагноза без диплома врача или официального санитарного свидетельства караются отзывом аптечной патентной грамоты и визитом окружного инспектора из Руана. У вас ведь нет врачебного диплома, господин Оме? Только фармацевтический аттестат?

Аптекарь открыл рот, словно выброшенный на берег

карп, и судорожно сглотнул. В его круглых глазах отразился неподдельный ужас человека, который только что увидел, как рушится его маленькая провинциальная империя.

— Я… я лишь из чистого человеколюбия… Философия утверждает, что страждущему надлежит подать руку…

— Философия также утверждает, что разделение труда повышает общую прибыль, — мягко перебила его Дарья, в одно мгновение меняя тон с ледяного на доверительноделовой. — Послушайте, господин Оме. Зачем нам ссориться и писать жалобы в руанскую префектуру, если мы можем заключить блестящий союз науки и практики? Мой супруг — дипломированный хирург с безупречной репутацией, которого только на прошлой неделе лично благодарил сам маркиз д'Андервилье за спасение жизни. Шарль берет на себя всю диагностику, операции и выписку рецептов. А вы… — она сделала выразительную паузу, — вы получаете исключительную монополию на изготовление всех лекарств по его бланкам, а также на поставку в нашу практику перевязочного материала, корпии, бинтов и лаков для хирургических нужд. Ни один пациент не уйдет от нас без рецепта с печатью «Аптеки Оме».

Краска стремительно возвращалась на лицо аптекаря — и на сей раз это был румянец чистого восторга. Он выпрямился, одернул клетчатый жилет и торжественно приложил пухлую ладонь к сердцу.

— Мадам Бовари! Вы обладаете умом государственного

мужа! Истинный тандем Эскулапа и Лавуазье! Дорогой коллега, — Оме горячо схватил опешившего Шарля за обе руки, — с этой минуты вся моя аптека к вашим услугам! Бинты высочайшего сорта, свежайшие пиявки и ни единого рецепта мимо вашей подписи!

Когда они вышли на солнечную площадь, Шарль долго шел молча, косясь на жену с благоговейным изумлением.

— Эмма… Откуда ты знаешь про парижский циркуляр и бертолетову соль?

— Из базового курса химии и здорового инстинкта самосохранения, милый, — ответила Дарья, поправляя манжет. — Пойдем разбирать вещи. Нам еще нужно придумать, где взять восемьсот франков до того, как префектура вспомнит о торгах.

* * *

Вечером дом на окраине площади пах сырой известкой, нетопленым камином и чужой заброшенностью. Пока Шарль внизу расставлял по полкам склянки и медицинские справочники, Дарья поднялась по скрипучей лестнице в мансарду. Ей требовалась тишина, стол и хотя бы полчаса без необходимости изображать восторженную барышню XIX века.

На чердаке, среди старых плетеных корзин и сломанных пялец, она отыскала настоящее сокровище: связку плоских заготовок из тонкой итальянской соломки, оставшихся от прежних жильцов, и рулончик бледно-серой тафты. Присев на низкий сундук у слухового окна, через которое лился хо-

лодный синеватый свет нормандских сумерек, Дарья расстелила на коленях синюю конторскую тетрадь и принялась считать.

Пять золотых наполеондоров — это сто франков. После уплаты задатка за дом, покупки дров, муки и свечей в кассе осталось шестьдесят два франка. А на горизонте маячили две черные дыры: восемьсот франков за ионвильскую практику, о которых рано или поздно придет бумага, и тысяча двести франков руанского векселя, тикающего в кармане у коварного Лёрё. Медицинская практика Шарля раскрутится лишь через пару месяцев. Значит, нужен быстрый, высокомаржинальный продукт с минимальной себестоимостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.